

Вячеслав Курицын

**О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА ГОДУНОВА-ЧЕРДЫНЦЕВА
И О ДАТАХ ЕГО ЮНОШЕСКОГО РОМАНА
С ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНОЙ**

Вопрос, когда родился Федор Годунов-Чердынцев, имеет в «Даре» два ответа, оба звучат вполне конкретно.

В первой главе есть фраза – «Наш поэт родился двенадцатого июля 1900 года в родовом имении Годуновых-Чердынцевых Лешино».

В пятой главе, в предпоследний день романа, 28 июня, Федор отмечает круглый юбилей — «10 000 дней от Неизвестного». Следовательно, родился Федор десятого февраля 1902 года.

Какую из двух дат считать верной?

Во-первых, важен источник сведений. Насколько он надежен.

Информацию о 10 000 днях мы получаем от самого Федора во время вдохновенной прогулки по Груневальдскому лесу, в момент слияния, так сказать, с природой, очевидной подлинности чувств.

Информацию о 12 июля – из несуществующей рецензии на сборник Федора «Стихи», которую Федор «читает» у себя в голове в ожидании вечерней встречи с печатным источником. А в третьей и в пятой главах романа активно развивается тема «ненадежного рецензента», цитируются и пересказываются сочинения критиков Мортуса и Линева, первый из которых не проверяет цитаты и принципиально уводит разговор в сторону от смысла рецензируемых книг, а второй путает вообще все. Более того, Федор, возможно, сам

опровергает информацию о рождении в последний год девятнадцатого столетия.

«Наш поэт родился двенадцатого июля 1900 года в родовом имении Годуновых-Чердынцевых "Лешино". Мальчик еще до поступления в школу перечел немало книг из библиотеки отца. В своих интересных записках такой-то вспоминает, как маленький Федя с сестрой, старше его на два года, увлекались детским театром, и даже сами сочиняли для своих представлений... Любезный мой, это ложь. Я был всегда равнодушен к театру...»¹.

Ко всему ли пассажи относится оценка «это ложь» или только к фразе про театральные досуги? Первая версия столь же законна, сколько и вторая.

По ходу «прослушивания» рецензии Федор еще дважды выражает недовольство ее содержанием. «Вздор, говорю я, вздор» – так он еще до момента с днем рождения комментирует попытку «безвестного ценителя» приписать автору «Стихов» «подкупающую искренность», а после этого момента отмечает «фамильярно-фальшивый голосок рецензента».

Изначально ненадежный источник, по ходу взаимодействия с которым Федор трижды указывает на его неадекватность: вот откуда мы знаем про 12 июля.

Во-вторых, у обеих дат есть символический подтекст. 12 июля – день рождения Чернышевского, 10 февраля – день смерти Пушкина. В контексте «Дара» пушкинский выбор логичнее. Пушкин умер, но родился, заштриховывая лакуну, его наследник по литературной прямой, Годунов-Чердынцев.

В-третьих, хронологический непорядок – принципиальная черта «Дара». Самые известные (но далеко не единственные) примеры: первого апреля 1926-го названо вторником, что исторически неправда, 18 апреля 1924-го четвергом, что также неправда: конечно, автор не мог так ошибаться, искажения произведены специально.

Нет ли к этой проблеме универсального ключа? Его некогда предлагал Александр Долинин, в статье «Двойное время» у Набокова. От «Дара» к «Лолите». Долинин различает в названных и некоторых других набоковских произведениях время условно газетное, общеупотребимое, отвлеченно «историческое» – и личное время героев или повествователя, пережитое и прочувствованное ими. Первое «для Набокова есть не более чем функциональный литературный прием, единственная цель которого — мимикрия,

¹ *Набоков В. Дар. Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 32-33.*

маскировка художественного вымысла под эмпирическую действительность». Это время, если не пережито персонажем или рассказчиком, не освоено им изнутри, лишено «единой, непротиворечивой системы отсчета», что, добавлю, парадоксальным образом отражает отношение нормального человека к учебнику истории или газетной хронике. Нам не слишком важно, когда и в какой последовательности свершились те или иные даже и судьбоносные исторические события, важно лишь то, что имеет отношение непосредственно к нам. Второе, вымышленное время персонажа, более реально в том смысле, что внутренне упорядоченно (человек знает, что едва не попал под трамвай вчера, а не в условном «июне»).

«Так, в самом начале повествования Годунов-Чердынцев безусловно знает, что идет «Год Семь» его эмиграции и что «вот уже лет восемь» он оплакивает свою первую любовь; аналогично, во второй главе, действие которой происходит в канун Рождества, полтора года спустя, он, думая о матери, отмечает, что «вот уже скоро девятый год», как она пытается не верить в гибель мужа, или в финале романа точно помнит, что они с Зиной знакомы ровно четыреста пятьдесят пять дней»².

Если мы соглашаемся с этим ключом, ответ снова в пользу 10 0000 дней от Неизвестного.

Однако, в романе есть как минимум одна ситуация, когда сцепляются не прочувственное личное время с условно-историческим, а два личных времени, и читатель испытывает сложности с пониманием внутренней упорядоченной хронологии.

То, что роман начинается именно 1 апреля (по уверению самого автора, 1926-го года, а к вопросу, почему четверг переименован во вторник, я вернусь позже), надежно подтверждено сюжетными обстоятельствами героя, который становится жертвой первоапрельского розыгрыша. Во второй главе Федор меняет жилье, происходит это ровно через два года – промежуток, снова заявленный самим Федором – значит, переезд к Щеголевым происходит 1 апреля 1928-го. В интересующей меня сейчас первой сцене третьей главы прямо сообщено, что он живет на новом месте три месяца, то есть на календаре начало июля-1928:

² *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2019. Стр. 433.

«Довольно часто теперь он день начинал стихотворением. Лежа навзничь, с первой, утоляюще-вкусной, крупной и длительной папиросой между запекшихся губ, он снова, после перерыва почти в десять лет, сочинял того особого рода стихи, которые в ближайший же вечер дарятся, чтобы отразиться в волне, вынесшей их. [...] В то шестнадцатое лето его жизни он впервые взялся за писание стихов серьезно...»³.

Нам сообщено, что почти десять лет назад, то есть летом 1918-го возникают «особого рода стихи», стихи первого периода влюбленности, соотнесенные со стихами, которые Федор сейчас адресует Зине. В обоих случаях подразумевается, что стихи мгновенно дарятся вдохновившей на них женщине. Шестнадцатилетний Федор переживает чудесный роман, и, отняв от 1918-го шестнадцать, мы вновь убеждаемся, что он родился в 1902 году. Внимательный читатель заметит, что для человека, родившегося в начале 1902-го, лето 1918-го – не шестнадцатое, а семнадцатое (и оно было бы девятнадцатым в случае рождения героя в июле 1900). В общем, эту нечеткость можно списать на возвышенный стиль, в рамках которого «шестнадцатое лето» вполне может значить, что человеку шестнадцать лет⁴.

Но буквально в той же сцене указано:

«Я с ней познакомился в июне 1916 года. Ей было года двадцать три. Ее муж, приходившийся нам дальним родственником, был на фронте. Она жила на дачке в пределах нашего имения и часто приезжала к нам. Из-за нее я едва не забыл бабочек и вовсе проглядел русскую революцию. Зимой 1917 года она уехала в Новороссийск, – и только в Берлине я случайно узнал о ее страшной смерти».⁵

Любовная история совершенно определенно отнесена сначала к 18-му году, и тут же не менее определенно к 1916-му. И обе спорящие даты – это не условно-историческое, а пережитое, «освоенное» Годуновым-Чердынцевым время.

³ *Набоков В. Дар*. Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 201.

⁴ Так, в апреле 1970-го Набоков поздравляет Веру запиской с «сорока пятью веснами», это 45-летие брака, но если реально считать в веснах, то идет сорок шестая. *Воронина О.* Тайнопись. Набоков. Архив. Подтекст. СПб., 2023. Стр. 122.

⁵ *Набоков В. Дар*. Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 204.

Может быть так, что любовных историй было две, одна стартовала в шестнадцатом, вторая на два года позже? Этому противоречит, во-первых, сообщение, что с романом связаны первые подлинные стихотворные опыты Федора («впервые взялся за писание стихов серьезно» – о романе, начатом, в 1918-и, и «тогда-то и началась моя стихотворная болезнь» – об истории из 1916-го). Во-вторых, очень многое совпадает в приведенных в двух местах (первая «беседа с Кончеевым» и начало третьей главы) данных о героине⁶: большие глаза, худоба, невеликое образование, замужний статус, страшная смерть.

Речь все же об одном романе. Давайте проверим, что еще сообщено о нем в «Даре».

Первое упоминание давних страстей – сцена из финала первой главы, Федор 1 апреля 1926-го возвращается от Чернышевских:

«Во мраке сквера, едва задетого веером уличного света, красавица, которая вот уже лет восемь все отказывалась воплотиться снова (настолько жива была память о первой любви), сидела на пепельной скамейке, но когда он прошел вблизи, то увидел, что это сидит тень ствола»⁷.

«Лет восемь» – менее определенная формула, чем обсуждавшиеся выше «почти десять». «Почти» скорее значит «несколько меньше» чем «несколько больше» (хотя для подсчетов выше подошло бы и второе), а «лет восемь» растягиваются свободнее. О красавице сказано в другом месте, что «зимой 1917 года она уехала в Новороссийск». Зима 1917-го – может быть и февраль, и декабрь. Если считать, что речь о ноябре-декабре, то от апреля-1926 прошло восемь с половиной лет, то есть именно «лет восемь». Свидетельство, что роман начался в 1916-м.

Далее – первая беседа с Кончеевым:

⁶ [А]: «Молодая замужняя женщина. Продолжалось неполных два года, до бегства из России. Она была так хороша, так мила – знаете, большие глаза и немного костлявые руки, – что я как-то до сих пор остался ей верен. От стихов она требовала только ямщикнегонилошадейности [...], а погибла от сыпного тифа – Бог знает где, Бог знает как...». *Набоков В. Дар*. Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 110. [Б]: «Ее муж, приходившийся нам дальним родственником, был на фронте [...] Была она худенькая, с высоко причесанными каштановыми волосами, веселым взглядом больших черных глаз... [...] Она была не умна, мало образованна, банальна...» *Набоков В. Дар*. Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 204.

⁷ *Набоков В. Дар*. Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 83.

«Молодая замужняя женщина. Продолжалось неполных два года, до бегства из России»⁸. Сообщено, кстати, что героиня романа «обожала играть в покер»: прозрачное сообщение, что нас будут дурить. А по существу вопроса здесь важны эти неполных два года. Бегство Годуновых из России это весна 1920-го (цифра, добытая в другой главе и обязанная быть надежной, так как вытекает из еще более личной истории Федора, связанной с судьбой отца). Согласно этой реплике в «беседе с Кончеевым» роман с молодой замужней начинается летом-1918.

И, наконец, есть фрагмент из 1928-го – «За последние десять лет одинокой и сдержанной молодости, живя на скале, где всегда было немножко снега, и откуда было далеко спускаться в пивоваренный городок под горой...»⁹, из которого следует, что Федор уже столь долго обходится без интимных контактов, и мы также знаем и из «беседы с Кончеевым», что Годунов хранит верность именно этой российской любви. Тут нас, похоже, отсылают в декабрь 1917-го, то есть к концу романа, что начался в 1916-м.

Две четкие линейки дат. Согласно одной роман родившегося в 1900-м Федора с замужней женщиной начался летом-1916, согласно второй Федор, рожденный в 1902-м, созревает для этой истории в 1918-м. Словно один сюжет рассказывают два разных источника, один из которых почему-то ошибается на два года.

Читатель помнит, что в последней сцене романа как раз происходит наглядное раздвоение источника речи. Федор, поняв, что в отношении его и Зины судьба исполнила изящный сюжетный пируэт, решает сочинить об этом роман, но присовокупляет, что книга не будет рабски следовать документальной канве. «Я это все так перетасую, перекручу, смешаю, разжую, отрыгну... таких своих специй добавлю, так пропитаю собой, что от автобиографии останется только пыль, – но такая пыль, конечно, из которой делается самое оранжевое небо. И не сейчас я это напишу, а буду еще долго готовиться, годами, может быть...»¹⁰. Федор разделяется на Федора-героя (от лица которого, в частности, ведется повествование в книге) и на Федора-автора.

Да, нельзя доказать, что «Дар» – тот самый роман, что грозитя написать Годунов. Может быть, он написал какую-то другую, неведомую нам книгу, или просто не стал

⁸ *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 110.

⁹ *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 223.

¹⁰ *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 474.

писать. И есть мнения, что в «Даре» больше двух рассказчиков: к Федорам плюсуется еще верховный автор, знающий и видевший то, что Годунов-Чердынцев, как он представлен в сюжете, видеть и знать не мог. Последних ситуаций минимум три: будущее зинино воспоминание о Федоре, который пропустил бал, зависнув над рукописью (Зина видит его в проем двери), сцена проводов Щеголевых, на которой рассказчик не присутствует, плюс совсем уж хулиганское сообщение, что Федор, ошибившись телефонным номером, попадает ровно туда, куда никак не может дозвониться все время попадающий на номер Щеголевых закадровый анонимный персонаж.

Но, думаю, здесь резонно довериться старине Оккаму, остановиться на самой простой схеме.

«Дар» и есть оранжевое небо в форме книги, анонсированное Федором в финале «Дара». Глупо отказываться от щедрого предложения создателя романа – попробовать понять, что тут преображенная реальность, а что не очень преображенная, и насколько очень или не очень. Иначе зачем кольцевая структура, побуждающая читателя сразу после финала начать перечитывать книгу, зная, что у текста иной статус, чем мы думали (думали, что Федор-рассказчик говорит о себе или о Федоре говорит «писатель», а это, оказывается, о Федоре говорит повзрослевший Федор; умение пересобратить читательский фокус – один из набоковских козырей). А двойная датировка одного события, юношеской любви Федора – лучшее свидетельство того, что перед нами книжка, в которой все перекручено и смешано. По этому пункту она соответствует федоровскому анонсу.

Повествование идет то от первого лица, то от третьего, то появляется «мы», при этом если «мы» легко объяснить или тем, что это два Федора вместе, или тем, что персонаж с царской фамилией называет себя на «мы», то местоимениями первого и третьего лица они обмениваются в порядке обещанной перекрученности. Это усложняет задачу их отдельного восприятия. Но оно, тем не менее, возможно.

Федора-героя, он же Федор-1, логично проецировать на Набокова 1926-29 годов. О том, что книга будет создана позже, Федор-автор, он же Федор-2, говорит прямо в анонсе, «буду еще долго готовиться, годами, может быть», и минимум дважды в тексте задается временная дистанция между действием и дискурсом («Это было время, когда в моде там

были заглавия "Любовь Третья", "Шестое чувство", "Семнадцатый пункт",¹¹ – взгляд из будущего на повадки советской литературы двадцатых, а также фраза «Лес, каким я его застал, был еще живым, богатым, полным птиц» по ходу Груневальдской прогулки в пятой главе")¹². Повествует Федор-2, очень возможно, не из неопределенного будущего, а из той самой середины тридцатых, когда сочинялся роман, и его образ логично проецировать на личность Набокова из соответствующей эпохи. И он же, Федор-2, на правах писателя, профессионального автора, владеющего широким литературным арсеналом, атрибутирует себе, когда надо, и способности верховного рассказчика, который может видеть сцену проводов Щеголевых и т.д.

Есть моменты, когда два голоса отличаются очень заметно. В сознании протагониста перемежаются две буквально враждующие интонации. Одна – благодарность за Дар, восхищение зрелищем мира, готовность написать пособие «Как быть счастливым», те самые подарочные 10 000 дней, десятки упоительных уличных сенок и все такое. Соответствует настроению написанных в ту эпоху текстов Набокова, «Драки», «Письма в Россию», «Благости», «Путеводителя по Берлину», писем к Вере летом 1926-го, интонации, с которой Берлин выведен как волшебный город в «Сказке» и в «Катастрофе».

Альтернативная интонация – очень быстро включающееся нытье. На старте читателю выдается пара страниц праздничного городского пейзажа, но тут же, без перехода, речь заходит ни много, ни мало о ненависти.

«Зеленная с оглядкой перейдет улицу, чтобы стать через семь, а там через три, от аптекарской, – вроде того, как в рекламной фильме находят свои места смешанные буквы, – причем одна из них напоследок как-то еще переворачивается, поспешно встав на ноги (комический персонаж, неременный Яшка Мешок в строю новобранцев); так и они будут выжидать, когда освободится смежное место, а потом обе наискосок мигнут табачной – сигай сюда, мол; и вот уже все встали в ряд, образуя типическую строку. Боже мой, как я ненавижу все это: лавки, вещи за стеклом, тупое лицо товара и в особенности церемониал сделки, обмен приторными любезностями, до и после! А эти опущенные ресницы скромной цены... благородство уступки... человеколюбие торговой рекламы... все это скверное

¹¹ *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 225.

¹² *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 430.

подражание добру...»¹³.

Такие резкие скачки настроения повествователя характерны для «Дара». В сцене писательского собрания в пятой главе дважды выведена световая реклама, сначала замечено, что она имеет два оттенка, и ворчливо подчеркнута, что «на большее число не хватило берлинского воображения»¹⁴. Но вскоре ее «вавилонское слово» радуется нас триллионами тонов, «бриллиантоволуннолилитовосизолазоревогрозносапфиристосинелилово»¹⁵. В обоих случаях это взгляд Федора, только в одном из них праздничного Федора-1, у которого ключом бьет талант и все успехи впереди, а в первом – смурного Федора-2. Он же пропитал собой хамские фрагменты о немцах и немецкой культуре: рассказчик из второй половины тридцатых, подобно самому Набокову, знаком с жизнью при Гитлере и опрокидывает в прошлое накопленный за десятилетие негативный опыт.

Мать Яши Чернышевского подталкивает Годунова-Чердынцева к тому, чтобы он превратил суицидальный сюжет ее сына и его незадачливых друзей в литературное произведение, но ему (предполагаю, что Федору-1) мешает символическая ладность конструкции. «Как бы то ни было, история осталась писателем неиспользованной», сообщено в романе, после чего история рассказывается в деталях, и решение ее все же олитературить резонно приписать Федору-2.

В чем еще разнятся рассказчики, как нам разделять их голоса, можно ли в каких-то случаях все же опираться на местоимения «я» и «он», найти алгоритм их чередования, есть ли в тексте моменты, в которых ироничный Набоков обыгрывает конфликт двух Федоров (напрашивается в качестве примера сцена в трамвае, когда мерзкий типичный немец вдруг вынимает из кармана русскую газету)? – вопросы для будущего набоковедения.

Сейчас интересно, кто из двух Федоров сообщает, что юношеская любовь стартовала в 1916-м, а кто относит ее начало к 1918-му. Информации от Федора-1 мы можем доверять больше, поскольку имеем верифицируемый пример его ответственного отношения к фактам, четвертую главу «Дара», в которой, как известно, при всей видимой

¹³ *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 24.

¹⁴ *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 417.

¹⁵ *Набоков В. Дар.* Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2022. Стр. 423.

фантастичности многих эпизодов, полностью сохранена реалистическая основа. В такой перспективе получается, что это Федор-1 сообщает нам о 10 000 днях, о рождении героя в день смерти Пушкина и о начале чудесного романа летом 1918 года.

В чем тут интерес Федора-2, можно ли концептуализировать его решение на два года состарить героя? Разница между 1900-м и 1902-м для наблюдателя из будущего может быть чисто технической, но разница между версиями начала любви, 1916 и 1918, для русского слуха значима, учитывая, что в России произошло в 1917-м. В интерпретации Федора-2 юный Годунов, поглощенный страстью, не заметил революцию, и это соответствует стойкому автобиографическому мифу Набокова, который настаивал на своей аполитичности: может быть, Федор-2 искажает дату для укрепления именно этого мифа.

Искажение же дней недели, в частности, превращение четверга 01.04.26 во вторник, просто, мне кажется, знак присутствия второго повествователя, сообщение, что хронология будет прыгать. Просто первоапрельская шутка, зато какая изысканная: эдакий инфинитив обмана, фальсификация вкручена внутри самой даты.

В этой связи, пожалуй, стоит отметить как связь, так и принципиальную разницу между сбитой хронологией «Дара» и также не имеющей единой системы отсчета временной схемой другого толстого отечественного романа, «Войны и мира», где хронология зачастую нарушается еще более злостно и тоже периодически возникают вопросы по поводу источника голоса. У Толстого потеря управления механизмами текста есть результат несводимой картины мира, принципиальной невозможности создать непротиворечивый образ реальности¹⁶. Набоков же, объявлявший Толстого солнцем русской словесности и, как иногда кажется, страстно желавший ему наследовать, не мог отказаться от авторской привилегии: полного контроля над происходящим в тексте, вне зависимости, осуществлял он его сам или доверял ответственному представителю вроде Федора-2.

¹⁶ Курицын В. "Война и мир". Главная русская книга. М: Издательство "Время", 2024.